

№ 34. Воскресенье, 9 февраля 1914 года.

У Т Р О Ю Г А

3

А. П. Чеховъ и А. С. Суворинъ.

I.

Если бы гоняться за сенсациями, то, пользуясь пикантными разоблачениями «Новаго Времени», заглавие статьи следовало бы продолжить, прибавивъ въ немъ и славное имя Д. С. Мережковского.

Но стоитъ ли?

Въ жизни Мережковского отношенія къ Суворину, передъ которымъ онъ заискивалъ при жизни и котораго жестоко изругалъ послѣ смерти этого «нововременскаго» столпа, — лишь краткій и постыдный, хотя и очень характерный для кувиркающагося «богоскатели» эпизодъ. Въ жизни Чехова отношенія къ Суворину — интересный и поучительный періодъ, незабывающій самого внимательнаго и серьезнаго изученія.

Оставимъ поэтому въ покоѣ Мережковского, съ его заискивающими письмами къ живому Суворину и съ его хлесткой статьей о мертвомъ Суворинѣ, и обратимъ наше вниманіе исключительно къ Чехову, къ его длительной и въ высшей степени интересной перепискѣ съ «любимчикомъ Бога», какъ по-хамски величалъ своего хозяина нововременскій Смердяковъ — В. В. Розановъ.

Въ вышедшихъ четырехъ томахъ «Писемъ А. П. Чехова», охватывающихъ періодъ времени съ 1876 по 1896 г., письма къ А. С. Суворину — самыя интересные и самыя богатія по разнообразію и глубинѣ затронутыхъ въ нихъ вопросовъ и темъ. Недаромъ же самъ Чеховъ, у котораго всегда была большая перепишка съ друзьями, знакомыми и даже незнакомыми, временами могъ воображать, какъ будто онъ ни съ кѣмъ другимъ, кромѣ Суворина, и не переписывается. «Обидно, — писалъ онъ однажды Суворину, — что вы убѣждаете за-границу... Въ случаѣ бѣды, или скуки камо пойду? Къ кому обратиться? Бываютъ настроенія чертовскія, когда хочется говорить и писать, а кромѣ васъ я ни съ кѣмъ не переписываюсь и ни съ кѣмъ долго не разговариваю. Это не значитъ, что вы лучше всѣхъ моихъ знакомыхъ, а значитъ, что я къ вамъ привыкъ и что только съ вами я чувствую себя свободно (т. IV, стр. 234).

Почему это такъ вышло? какими условіями вызвана была личная близость Чехова къ Суворину, какія причины разрушили ее? Дружба Чехова съ Суворинимъ началась во время постановки «Иванова» на сценѣ Александринскаго театра въ 1889 г. Знакомство, а затѣмъ и дѣловая переписка между ними началась раньше. И вотъ въ какой юмористической формѣ описываетъ Чеховъ въ письмѣ къ брату (въ декабрѣ 1885 г.) свою первую встрѣчу съ Суворинимъ:

«Изъ Пет. Газ. пошелъ въ Новое Время, гдѣ былъ принятъ Суворинимъ. Онъ очень любезно меня принялъ и даже подаль руку. — Старайтесь, молодой человѣкъ! — сказалъ онъ. — Я вамъ доволенъ, но почаще въ церковь ходите и не пейте водки. Дыхните! — Я дыкнулъ. Суворинъ, не услышавъ за-вѣщающаго и крикнулъ: «Малышки!»,

Явился мальчикъ, которому было приказано подать чаю въ прикуску и безъ блюдечка. За симъ уважаемый Суворинъ далъ мнѣ денегъ и сказалъ:

— Надо беречь деньги... Подтяните брюки» (т. I, стр. 124).

Этотъ рассказъ, въ которомъ А. П. имитируетъ одного знакомаго купца, ничѣмъ еще, конечно, не намекаетъ на будущія дружескія отношенія между Чеховымъ и Суворинимъ. Видно, однако, что оба они остались довольны другъ другомъ и завязали другъ съ другомъ прочныя дѣловыя связи. Совершенно дѣловой характеръ имѣютъ и первыя письма Чехова къ Суворину.

Сближались они во время постановки «Иванова».

Въ предисловіи ко II-му тому «Писемъ» сестра писателя М. П. Чехова слѣдующимъ образомъ характеризуетъ и объясняетъ дальнѣйшія отношенія между А. П. и Суворинимъ. «Не раздѣляя взглядовъ «Новаго Времени», Антонъ П — чѣмъ высоко цѣнилъ старика Суворина, отдѣлилъ его отъ газеты и дорожилъ его дружбой. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ писалъ ему искреннія письма, въ которыхъ высказывалъ свои заветныя мысли и переживанія... Оба изъ народа, оба — внуки бывшихъ крѣпостныхъ и оба одаренные отъ природы громадными талантами, они почувствовали другъ къ другу сильное влеченіе и близко сошлись. Эта дружба продолжалась затѣмъ долгіе годы и окончилась только нѣсколькими лѣтъ спустя, во время извѣстнаго процесса Дрейфуса, когда старикъ Суворинъ сталъ на сторону обвинителей Дрейфуса».

Какъ и всякая схема, это схематическое объясненіе прежде всего лишено живого содержания, которое должны влить въ него письма А. П. Но, кромѣ того, оно страдаетъ и однимъ весьма существеннымъ недочетомъ. Да, оба они были внуками бывшихъ крѣпостныхъ, оба были люди съ большими талантами. Прибавимъ къ этому, что оба они были людьми умными, хорошо разбиравшимися въ вопросахъ литературы и горячо любившими эту послѣднюю. Все это было и сыграло, разумеется, огромную роль въ ихъ сближеніи. Но была и еще одна причина этого сближенія, причина, не замѣченная М. П. Чеховой, — самая существенная и решающая. Она именно и опредѣлила собою влеченіе молодого художника къ старому газетному волаку, и роль ея ясно намѣчается самими Чеховымъ въ письмахъ II-го тома.

Конечно, демократическое происхожденіе сближало обоихъ участниковъ переписки.

«Что писатели — дворяне брали у природы даромъ, — жалуются Чеховъ Суворину, — то разночинцы покупаютъ цѣною молодости. Напишите-на рассказъ о томъ, какъ молодой человѣкъ, сынъ крѣпостного, бывший заводчикъ, пѣвчій, гимназистъ и студентъ, воспитанный на чинопочитаніи, цѣлованіи поповскихъ рукъ, поклоненіи чужимъ мыслямъ, благодарившій за каждый кусокъ хлѣба, мно-

го разъ съѣнныи, ходившій по урокамъ безъ кашошъ, дравшійся, мучившій животныхъ, любившій объѣдать у богатыхъ родственниковъ, лицемерившій и Богу и людямъ безъ всякой надобности, только изъ сознанія своего ничтожества — напишите, какъ этотъ молодой человѣкъ выдвигается изъ себя по каплямъ раба и какъ онъ, проснувшись въ одно прекрасное утро, чувствуетъ, что въ его жилахъ течетъ уже не рабская кровь, а настоящая человѣческая» (II, стр. 283).

Обращаясь съ этой своей исповѣдью къ Суворину, Чеховъ чувствовалъ, что въ душѣ адресата онъ найдетъ созвучный и сочувственный откликъ. И онъ не ошибался. Суворинъ и самъ прошелъ такую же тяжелую школу, и самъ, поднимаясь по ступенямъ жизни, долженъ былъ «выдвигаться» изъ себя по каплямъ раба, чтобы ощутить, наконецъ, въ душѣ своей то «чувство личной свободы», котораго, въ пору знакомства своего съ Суворинимъ, усиленно и страстно искалъ Чеховъ. Жажда этого чувства съ особенной четкостью выражена Чеховымъ въ извѣстномъ письмѣ къ А. Н. Плещееву, которому онъ въ 1889 году формулировалъ свой символъ вѣры:

«Я не либераль, — писалъ Чеховъ, — не консерваторъ, не постепенецъ, не монахъ, не индифферентистъ. Я хотѣлъ бы быть свободнымъ художникомъ и только, и жалко, что Богъ не далъ мнѣ силы, чтобы быть имъ. Я ненавижу ложь и насиліе во всѣхъ ихъ видахъ, и мнѣ одинаково противны какъ себѣтари консисторій, такъ и Наточичъ съ Градовскимъ. Фарисейство, тушуеміе и провозглашеніе царя не въ однихъ только купеческихъ домахъ и кулуарахъ: я вижу ихъ въ наукѣ, въ литературѣ, среди молодежи... Фирму и ярлыкъ я считаю предразсудкомъ» (II, стр. 407).

Таковъ былъ идеалъ личной свободы, который сознательно поставилъ передъ собою Чеховъ. Въ лицѣ Суворина, обнаженнаго отъ всякихъ общественныхъ настроеній, симпатій и даже просто убѣжденій и взглядовъ, идеалъ этотъ показался ему достигнутымъ и осуществленнымъ. И вотъ что, мнѣ кажется, съ непреодолимою силою потянуло еще не искушеннаго жизнью, искренняго молодого художника къ выдавшему всякіе виды лукавому старцу.

Ниже мы увидимъ, какъ постепенно раскрывались глаза Чехова на явленія общественной жизни, какъ мѣнялось его отношеніе къ ней, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ Суворину. Но пока онъ весь во власти своего новаго чувства личной свободы, которое онъ горячо пропагандируетъ и не безъ зазора афишируетъ въ своихъ письмахъ.

Этимъ новымъ чувствомъ онъ дорожитъ до такой степени, что считаетъ покушеніемъ на него всякую попытку со стороны призвать его къ солидарности и объединенію. «Неужели, — писалъ онъ И. А. Щеглову, — вамъ всѣмъ не душно отъ такихъ словъ, какъ солидарность, единеніе молодыхъ писателей, общность интересовъ и проч.» (II, стр. 81).

А въ письмѣ къ Суворину онъ пронизываетъ по поводу другой подобной же попытки: «Вернулся съ бала. Цѣль общества — едине-

ніе. Одинъ ученый пѣвецъ приучилъ конку, мышъ, кобылку и воробья вѣсть изъ одной тарелки. У этого пѣвца была система, а у общества никакой» (II, стр. 208). И хотя въ цитированномъ выше письмѣ къ Плещееву Чеховъ, отказываясь отъ всякихъ «формъ», отрицается также и отъ формы индифферентизма, но въ своемъ увлеченіи личной свободой, онъ не прочь и индифферентизму посвятить пагетирискъ. Вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ одномъ изъ писемъ его къ Суворину: «Природа — очень хорошее успокоительное средство. Она миритъ, т. е. дѣлаетъ человѣка равнодушнымъ. Только равнодушные люди способны ясно смотрѣть на вещи, быть справедливыми, — конечно, это относится только къ умнымъ и благороднымъ людямъ; эгоисты же и нудные люди и безъ того достаточно равнодушны» (II, стр. 351).

Къ счастью, самъ Чеховъ дѣйствительно принадлежалъ не только къ умнымъ, подобно своему корреспонденту, но и къ б л а г о р о д н ы мъ людямъ. Къ счастью, онъ дѣйствительно всей душой своей «ненавидѣлъ ложь». И эти качества заставляли его въ послѣдствіи убѣдиться, что тотъ, кого онъ считалъ идеаломъ «с в о б о д н а г о» человѣка, на самомъ дѣлѣ оказался только г о л ы мъ тѣмъ, — вмѣстѣ съ предразсудками и предубѣжденіями сбросившимъ съ себя и всякія убѣжденія и всякія общественныя обязательства. Минималъ свобода — оказалась, при ближайшемъ разсмотрѣніи, воплощеніемъ лжи, которую такъ презиралъ и ненавидѣлъ Чеховъ.

Впрочемъ, я нѣсколько забѣжалъ впередъ. Пока же отношенія Суворину продолжали быть самыми лучшими. Во II-омъ томѣ, гдѣ воспроизведены письма Чехова 1888 и 1889 годовъ, нѣтъ еще ни тѣни тѣхъ облаковъ, которые постепенно омрачаютъ ихъ дружбу и дѣлаютъ невозможной даже самую перенеску между ними. Но если благополучно съ дружбой, то не совсѣмъ благополучно уже съ тѣмъ чувствомъ личной свободы, которое еще такъ недавно поднимало Чехова въ его собственныхъ глазахъ. «Скучно пробавляться одною беллетристикой, хочется и еще чего-нибудь». Вотъ какія жалобы начинаютъ слышаться въ письмахъ художника, быстрыми шагами двинушагося впередъ по пути, на которомъ встрѣтило его общее признаніе его таланта. «Хочется еще чего-нибудь». Эти еще не совсѣмъ опредѣлившіяся и не подающіяся еще формулировкѣ настроенія, показывають, что личная свобода уже не удовлетворяетъ писателя; что въ немъ пробудилась жажда къ чему-то, что стоитъ за предѣлами этой свободы и что очень скоро вылилось въ опредѣленное стремленіе къ живому обществуному дѣлу.

Дѣломъ этимъ оказалась предпринятая Чеховымъ въ 1890 году поездка на Сахалинъ. И на почвѣ этого перваго общественнаго дѣла, кѣмъ-то ваяна на себя Чеховъ, произошла его первая размолвка съ Суворинимъ. Послѣдній издумалъ отговаривать отъ поѣздки своего молодого друга, но получилъ отъ него неожиданную строгую и серьезную отповѣдь.

«Вы пишете, — возражалъ Чеховъ, — что Сахалинъ никому не нуженъ и ни для кого не интересенъ. Будто бы это вѣрно? Сахалинъ можетъ быть ненужнымъ и неинтереснымъ только для того общества, которое не слышитъ на него тысячи людей и не тратитъ на него милліоновъ... Сахалинъ — это мѣсто невыносимыхъ страданій, на какія только бываетъ способенъ человѣкъ вольный и involuntary... Жалѣю, что я не сантименталенъ, а то я сказалъ бы, что въ мѣста, подобныя Сахалину, мы должны вѣдѣть на поклоненіе, какъ турки вѣдѣтъ въ Мекку... Изъ книгъ, которые я прочелъ и читаю, видно, что мы спноили въ тюрьмахъ м и л л і о н ы людей; спноили зря, безъ разушеденій, варварски; мы гонимъ людей по холоду въ кандалахъ десятки тысячъ верстъ, заражали сифилисомъ, развращали, размножали преступниковъ и все это сваливали на тюремныхъ красноносыхъ смотрителей» (III, стр. 21)....

Рѣзко отторгившись отъ Суворина въ данномъ случаѣ, художникъ — индивидуалистъ недавно еще воевавшій противъ «солидарности» и проповѣдывавшій «равнодушіе», идетъ теперь и дальше въ направленіи къ общественности. Вернувшись изъ поѣздки на Сахалинъ и далеко еще не разобравшись въ выведенныхъ оттуда впечатлѣніяхъ и матеріалахъ, онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ помощи голодающимъ, при чемъ чуть да же не погибъ отъ мятели во время одного изъ своихъ развѣдовъ по деревнямъ, и вообще проявляетъ съ каждымъ годомъ все больше и больше активнаго интереса къ общественнымъ дѣламъ.

И въ то же время онъ жалуется Суворину въ апрѣлѣ 1892 г., что у него «какъ будто изсякъ интересъ къ жизни»; но тутъ же, впрочемъ, даетъ и правильное объясненіе этому своему новому настроенію. «Это — говорить Чеховъ — или болѣзнь, именуемая въ газетахъ переутомленіемъ, или же неуловимая сознаниемъ душевная работа, именуемая душевнымъ переворотомъ; если послѣднее, то все, значить, къ лучшему» (IV, стр. 58).

III.

Повидимому, было въ этомъ настроеніи Чехова и то и другое, — и усталость отъ взятыхъ имъ на себя хлопотливыхъ и непривычно-тяжелыхъ общественныхъ обязанностей, и сознаваемый имъ душевный переломъ. По крайней мѣрѣ, уже мѣсяца черезъ два (въ іюлѣ 1892 года) онъ пишетъ тому же Суворину: «Душа моя просится въ ширь и въ высъ, но поневоѣ приходится нести жизнь узенькую, ушедшую въ сволочные рубль и копейки... Надо бы выкупиться въ сѣрной кислотѣ и сълезть съ себя кожу, и потомъ обрости новой шерстью».

Конечно, въ сѣрной кислотѣ Чеховъ не купался, и вообще никакихъ рѣзкихъ переменъ ни въ его душевномъ складѣ, ни въ его дѣятельныхъ отбѣтѣхъ и въ эту пору 1892 — 1896 гг. (періодъ переписки IV тома) нельзя. Эволюція происходила медленно и постепенно, по отдѣльные этапы и проявленія ея все же достаточно замѣтны. Такъ, обращаетъ серьезное вниманіе второй случай его полемикъ съ Суворинимъ, когда Чеховъ исповѣдывалъ передъ нимъ свой основной писательскій грѣхъ и гласилъ своей ошухи

«Въ нашихъ произведеніяхъ, — писалъ Чеховъ въ ноябрѣ 1892 г., — нѣтъ именно азѣголизма, который бы пьянилъ и порабощалъ... Наука и техника переживаютъ теперь великое время, для нашего же брата это время рыхлое, кислое, скучное, сами мы кислы и скучны... Вспомните, что писатели, которыхъ мы называемъ вѣчными или просто хорошими, и которые пьянятъ насъ, имѣютъ одинъ общій и весьма важный признакъ: они куда-то идутъ и насъ зовутъ туда же, и вы чувствуете не утомъ, а вѣсмы существомъ, что у нихъ есть какая-то цѣль... Лучшіе изъ нихъ реальны и шипутъ жизнью такою, какою она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, какъ сокомъ, сознаніемъ цѣли, въ кромѣ жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это пѣлается вась. А мы? Мы! Мы пишемъ жизнь такую, какою она есть, а дальше — ни тѣру, ни ну. У насъ нѣтъ ни ближайшихъ, ни отдаленныхъ цѣлей и въ нашей душѣ хоть шаромъ покати. Политики у насъ нѣтъ, въ революцію мы не вѣримъ, Бога нѣтъ, привидѣній не боимся... Кто ничего не хочетъ, ни на что не надеется и ничего не боится, тотъ не можетъ быть художникомъ» (IV, стр. 154).

Вы видите, что переломъ въ душѣ художника обозначился вполнѣ ясно. Онъ, который раньше гордился своей свободой отъ всякихъ цѣлей, презрительно называя ихъ формами и ярлыками, теперь требуетъ ихъ отъ художника и утверждаетъ, что безъ нихъ невозможно быть художникомъ. Суворину, давно продавшему всѣ цѣли за благо хорошо оплачиваемаго офидіознаго флюгера, не могло, разумеется, почтись по сердцу это новое настроеніе его молодого друга. Онъ выступилъ съ возраженіями, при чемъ, со свойственнымъ ему лукавствомъ, спряталъ свое личное мнѣніе по этому вопросу за ширмой нѣкоей С., которой и предоставилъ сразиться съ Чеховымъ. Поэтому и Чеховъ, въ дальнѣйшей его перепискѣ съ Суворинимъ на эту тему, продолжаетъ бороться не съ нимъ, а якобы съ г-жей С., что онъ и дѣлаетъ въ письмѣ къ Суворину отъ 3-го декабря того же года. «Кто искренно думаетъ, — пишетъ здѣсь Чеховъ, — что высшая и отдаленная цѣль человѣку нужна такъ же мало, какъ коновъ, что въ этихъ цѣляхъ «вся наша бѣда», тому остается кушать, пить, спать, или когда это надобно, развѣжаться и хватить абомъ объ уголъ сундука».

Въ связи съ собственнымъ душевнымъ переломомъ, который мы вправѣ назвать душевнымъ просвѣщеніемъ, Чеховъ не можетъ не разглядѣть мало-по-малу подъ нѣжной оболочкой милого, умнаго и разносторонне одареннаго Суворина его подлинную нововременскую сущность. Объ этомъ новомъ пониманіи истинной природы Суворина говоритъ не только принципальная полемическая схватка съ нимъ Чехова, но и тѣ отдаленныя ироническія замѣчанія, которыя теперь проскальзываютъ по адресу Суворина въ письмахъ Чехова. Напримеръ, въ письмѣ 2 января 1894 г. Чеховъ какъ бы мимоходомъ дѣлаетъ такое замѣчаніе по поводу газетныхъ выступленій Суворина: «Либеральное вамъ всегда чрезвычайнаго извѣстна, а чѣмъ пытаетесь провозгласить, ка

кія-нибудь консервативныя мысли или даже употреблете консервативныя выраженія (въ родѣ: «въ подножій трона»), то напоминаете тысячуудный колоколь, въ которомъ есть трещинка, производящая фальшивый звукъ». Не менѣе выразительно замѣчаніе Чехова и по другому аналогичному поводу: «Ваше письмо (рѣчь идетъ о «Маленькихъ письмахъ» Суворина) о Барановѣ прекрасно. Но только не финалъ «возлюбилъ другъ друга». Не нельзя говорить о любви, отхлеставши людей по щечкамъ... Вообще къ вашимъ письмамъ ужасно не идутъ божественныя слова».

Къ нововременцамъ вообще у Чехова сложилось вполнѣ опредѣленное мнѣніе, которое онъ неоднократно по разнымъ поводамъ высказываетъ въ своихъ письмахъ. Брату своему А. П. Чехову онъ рѣшительно наказываетъ держаться «въ сторонѣ отъ этихъ с...хъ силъ... Это гнусное племя».

Сложное чувство старой привязанности, уваженіе къ уму и, наконецъ, жалости заставляютъ Чехова выдѣлять пока изъ этого «гнуснаго племя» его родоначальника старика Суворина. Но уже на всемъ протяжении писемъ IV тома чувствуется, какъ непрочно становится отношеніе этихъ двухъ корреспондентовъ, какъ утончается постепенно связывающая ихъ нить. Былъ даже моментъ, когда нить эта должна была оборваться, но какое-то «покаянное письмо» Суворина временно отдалило неизбежный разрывъ. Нѣкоторымъ, не совсѣмъ яснымъ указаніемъ на этотъ моментъ даетъ письмо Чехова къ брату въ апрѣлѣ 1893 года.

«Я собирался писать Суворину, но не написалъ ни одной строки и потому письмо мое, которое такъ возмущало Дохина и его брата, есть чистѣйшая выдумка. Но разъ идутъ разговоры, значить такъ тому и быть: старое званіе затрѣсало и должно рухнуть. Старика утѣ жалко, онъ написалъ мнѣ покаянное письмо; съ нимъ, вѣроятно, не придется глѣть окончательно; что же касается редакціи и Дохинова, то какія бы то ни было отношенія съ ними мнѣ совсѣмъ не улыбнутся... Къ тому же по убѣжденіямъ своимъ я стою на 7375 верстъ отъ Житыи и К°. Какъ публицисты, они мнѣ просто гадки, и это я заявлялъ тебѣ неоднократно».

Переписка съ Суворинимъ продолжалась и послѣ этого письма. И только въ V-мъ, еще не издавшемъ томѣ писемъ Чехова, мы узнаемъ о послѣднемъ и окончательномъ разрывѣ съ Суворинимъ.

Въ этой статьѣ я не имѣлъ возможности хотя бы мимоходомъ затронуть тѣ разнообразныя темы, которыхъ касался Чеховъ въ своихъ письмахъ къ Суворину. Подвергнувъ анализу только личныя отношенія Чехова къ своему корреспонденту, я хотѣлъ показать, что интересъ писемъ заключается не только въ богатырѣ темѣ, но и въ томъ, что даже главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ прекрасно освѣщаетъ идейную эволюцію Чехова, — его постепенный переходъ отъ разноруднаго къ живому и активному интересу, отъ крайняго индивидуализма къ общественности.